

ГОДЪ
Тридцать девятый. **ЛИТОВСКИЕ** 22 Апрель 1901 года.
ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ЕПАРХИАЛЬНЫМ

№ 16.

ВЪДОМОСТИ.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.

Отдѣльные ММ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898 гг. и 1899 г. и 1900 г. по 10 к. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
" два раза 15 "
" три раза 20 "

СОДЕРЖАНІЕ № 16.

Дѣйствія Правительства. Опредѣленіе Св. Синода. Мѣстные распоряженія. Перечисленіе церквей. Назначенія. Утвержд. въ должн. церк. старостъ. Мѣстные извѣстія. Архіерейскія служенія. Пожертвованіе. Вакаціи. Неофициальный отдѣлъ. Рѣчь, сказанная предъ освященіемъ и открытіемъ музея гр. М. Н. Муравьева. Освященіе и открытіе музея. Русскій языкъ въ юридической письменности Литвы.

Дѣйствія Правительства.

— Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіемъ Святейшаго Синода Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 22-й день марта текущаго года, на награжденіе псаломщика Друйской Благовѣщенской церкви, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, Каллиника *Свитича*, за 10-лѣтніе труды по народному образованію, *серебряною медалью* съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди на Александровской лентѣ.

Опредѣленіе Святейшаго Синода отъ 20 марта — 4 апрѣля 1901 года за № 1148 объ установленіи торжественнаго празднованія 11 мая, дня памяти святыхъ первоучителей Словенскихъ Меодія и Кирилла, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ имѣли суж-

деніе объ установленіи торжественнаго празднованія 11 мая, дня памяти святыхъ первоучителей Словенскихъ Меодія и Кирилла, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ. Приказали: Святые Меодій и Кирилл, именуемые въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ „Церкви Словенскія Апостолами, Словенскихъ странъ просвѣтителями и учителями“, положили начало христіанскому просвѣщенію народа русскаго проповѣдію слова Божія на языкѣ словенскомъ и переводомъ священныхъ книгъ на родное наше нарѣчіе, на коемъ издревле совершается православное богослуженіе. Православная Россійская Церковь, во всегдашнее воспоминаніе незабвенныхъ заслугъ во благо оной святыхъ первоучителей Словенскихъ Меодія и Кирилла, установила празднованіе памяти ихъ одиннадцатаго мая. Дабы закрѣпить въ юныхъ сердцахъ учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ такое благовѣйное и признательное воспоминаніе великихъ подвиговъ святыхъ Меодія и Кирилла, положившихъ начало христіанскому просвѣщенію народа нашего и тѣмъ завѣщавшихъ пастырямъ церковнымъ и учителямъ школьнымъ распространеніе народнаго просвѣщенія въ духѣ святой Православной Церкви, Святейшій Синодъ признаетъ необходимымъ установить чествованіе памяти первоучителей Словенскихъ, 11 мая, во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а именно: духовныхъ академіяхъ, семинаріяхъ, мужскихъ духовныхъ училищахъ и женскихъ училищахъ епархіальныхъ и духовнаго вѣдомства, а также въ церковныхъ школахъ, съ освободженіемъ въ этотъ день учащихъ отъ учебныхъ занятій, и посему опредѣляетъ: во всѣхъ сихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ

совершать ежегодно вечеромъ 10 мая въ церкви при духовно-учебномъ заведеніи или мѣстной приходской торжественное всенощное бдѣніе съ чтеніемъ, по желанію, акаѳиста святымъ Меѳодію и Кириллу; 11 мая—божественную литургію и послѣ оной молебенъ святымъ Меѳодію и Кириллу, при чемъ учащіеся во время означенныхъ богослуженій принимаютъ участіе въ чтеніи и пѣніи, въ послѣобѣденное время въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ предоставляется назначать торжественныя собранія, съ чтеніемъ учащими записокъ о великихъ подвигахъ, подъятыхъ святыми братьями Меѳодіемъ и Кирилломъ во благо всѣхъ словенскихъ народовъ, и приличествующими торжеству пѣснопѣніями, а въ церковныхъ школахъ къ 11 мая приурочивается ежегодный актъ, на коемъ производить выдачу свидѣтельствъ окончившимъ курсъ ученія, а гдѣ позволяютъ средства, и наградъ лучшимъ ученикамъ книгами или картинами духовно-нравственнаго содержанія. Устанавливая таковой порядокъ празднованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ дня памяти первоначальниковъ и зиждителей нашего духовнаго просвѣщенія, Святѣйшій Синодъ уповаетъ, что насажденное въ землѣ нашей трудами и подвигами святыхъ первоучителей книжное ученіе будетъ возрастать и утверждаться въ чадахъ православной Церкви подъ благотворнымъ ея воздѣйствіемъ, молитвами и представительствомъ святыхъ Меѳодія и Кирилла, первоучителей Словенскихъ. Для исполненія означеннаго Синодальнаго постановленія напечатать оное въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Мѣстныя распоряженія.

— Перечисленіе церквей изъ Друйскаго въ Дисненское благочиніе. Церкви Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, Друйскаго благочинія *Голомысльская и Григоровичская*, какъ находящіяся отъ Друйскаго благочинія въ далекомъ разстояніи—первая въ 90 верст., а вторая 80 верст., по протокольному опредѣленію Консисторіи, утвержденному Высокопреосвященнѣйшимъ Ювеналіемъ, Архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ 9 апрѣля 1901 года за № 572, перечислены въ Дисненское благочиніе, какъ отстоящія отъ послѣдняго Голомысльская въ 6 верст. и Григоровичская въ 12-ти верстахъ.

— 12 апрѣля псаломщику Засвирской церкви, Свенцянскаго уѣзда, *Виталию Лукашевичу* предоставлено священническое мѣсто въ Гродненской епархіи въ с. Новельнѣ, съ увольненіемъ отъ должности псаломщика и учителя Засвирской второклассной церковно-приходской школы.

— 16 апрѣля вакантное мѣсто священника при

церкви Антолептскаго женскаго монастыря предоставлено надзирателю Виленскаго духовнаго училища, студенту Литов. семинаріи *Николаю Птскацкевичу*.

— 16 апрѣля вакантное мѣсто священника въ с. Голдовѣ, Лидскаго уѣзда, предоставлено псаломщику Девятковичской церкви, Гродненской епархіи, окончившему курсъ Литовской семинаріи *Михаилу Чабовскому*.

— 16 апрѣля на вакантное мѣсто псаломщика Кривской Александро-Невской церкви, Опшмянскаго уѣзда, назначенъ и. д. псаломщика, окончившій курсъ Виленской псаломщицко-пѣвческой школы крестьянинъ *Осипъ Адамовъ Щуикій*.

— 16 апрѣля окончившій курсъ Виленской псаломщицко-пѣвческой школы крестьянинъ *Ив. Тумель* назначенъ и. д. псаломщика Николаевской церкви, Опшмянскаго уѣзда.

— 17 апрѣля утверждены въ должности церковныхъ старостъ на три года выбранные въ церквамъ: 1) Поставской, Дисненскаго уѣзда, крест. м. Поставъ Ѳеодантоновъ Антухъ; 2) Брасловской, Новолександровскаго уѣзда, кр. дер. Шакуровъ Осипъ Ивановъ Шакура—на второе трехлѣтіе; 3) Друйскаго Благовѣщенской, Дисненскаго уѣзда, судебный приставъ титулярный совѣтникъ Александръ Е. Остроумовъ.

Мѣстныя извѣстія.

— Архіерейскія служенія. 14-го апрѣля, въ праздникъ св. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстаѳія, Высокопреосвященный Ювеналій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій совершилъ въ Св.-Духовомъ монастырѣ божественную литургію въ сослуженіи каедр. прот. І. Котовича, о. намѣстника и братіи; на молебенъ вышло все городское и военное духовенство. Проповѣдь сказалъ законоучитель священникъ Николай Пашкевичъ. На богослуженіи присутствовали: помощникъ командующаго войсками округа генераль-отъ-инфантеріи Перликъ, виленскій губернаторъ кн. Грузинскій, попечитель округа В. А. Пловъ, помощникъ попечителя А. В. Бѣлецкій и др. Какъ на всенощной такъ и на литуріи было масса народа.

— 15 апрѣля, въ недѣлю Жень Муроносиць, въ престольный праздникъ церкви высшаго женскаго Маріинскаго училища, архіепископъ Ювеналій въ сей церкви совершилъ божественную литургію въ сослуженіи каедр. прот. І. Котовича, ключаря собора прот. М. Голенкевича, законоучителя 1-й гимназіи свящ. І. Волочковича и священ. Пречист. собора Л. Смоктуновича; на молебенъ вышли законоучители прот. К. Соболевскій и свящ. Николай Пашкевичъ. Моле-

бень былъ отслуженъ св.-равноапостол. Маріи Магдалинѣ. Проповѣдь на литургіи сказалъ прот. К. Соболевскій; за архіерейской службой пѣлъ хоръ воспитанницъ училища весьма удовлетворительно. На богослуженіи присутствовали: г. генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ В. Н. Троцкій, помощникъ командующаго генераль-отъ-инфантеріи Перликъ, виленскій губернаторъ кн. Грузинскій, помощникъ понечителя д. с. с. А. В. Бѣлецкій, городской голова генер.-лейтенантъ П. В. Бертольдтъ, директора и наставники учебныхъ заведеній, педагогическій персоналъ и воспитанницы училища. По выходѣ изъ храма, Высокопреосвященный Владыка поздравилъ воспитанницъ съ храмовымъ праздникомъ и перешелъ въ актывый залъ, гдѣ былъ устроенъ для гостей чай и хлѣбъ-соль.

— 16 апрѣля **награжденъ** скуфьею Шавельскій благочинный, священникъ Шавельской церкви *Иосифъ Ширинскій*.

— **Пожертвованіе.** Въ Глубокскую церковь, Лидскаго уѣзда, прихожанами оной—крестьянами дер. Сухари Адамомъ Розмысломъ, Иваномъ Воронко и Игнатіемъ Розмысломъ пожертвована икона Воскресенія Христова, писанная на доскѣ, въ золоченомъ кюлтѣ, стоимостью 175 рублей. На докладѣ о семъ Его Высокопреосвященство 17 апрѣля изволилъ написать: преподается жертвователямъ Архипастырское благословеніе.

— **Некрологъ.** 11 апрѣля скончался отъ оспы священникъ Биржанской церкви, Поневѣжскаго уѣзда, *Николай Павскій*, 31 года отъ роду; послѣ него осталась вдова—бездѣтная.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ—

Трокскаго у. с. Сумелишкахъ (2).
Лидскаго — с. Дембровѣ (2).
Поневѣжскаго — Биржахъ (1).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ—

Трокскаго — м. Стравеникахъ (6).
Дисненскаго — с. Блошникахъ (2).
Свенцянскаго — м. Засвири (1).

Неофициальный отдѣлъ.

Рѣчь, сказанная предъ освященіемъ и открытіемъ музея гр. М. Н. Муравьева, 17 апрѣля 1901 года.

Привѣтствую васъ, высокопочтенное собраніе, съ знаменательнымъ днемъ—открытіемъ музея графа Михаила Николаевича Муравьева. Въ нашей общественной жизни учрежденіе музея имѣетъ весьма важное значеніе, указывая на живучесть идеи и завѣтовъ,

легшихъ въ основу дѣятельности славнаго сына земли русской, высоко носившаго знамя служенія родной землѣ.

Русское общество и населеніе Западнаго края Россіи различно, по мѣрѣ своего пониманія, чувствъ благодарности и средствъ, оцѣнили заслуги гр. Муравьева по умиротворенію и благоустройству нашей страны; въ частности, въ Вильнѣ, память безсмертныхъ заслугъ гр. Муравьева нашла себѣ самое лучшее примѣненіе и выраженіе. По мѣрѣ того, какъ приходилъ къ осуществленію проектъ памятника незабвенному графу, весьма благовременно возникла въ Вильнѣ мысль устроить музей гр. М. Н. Муравьева съ тѣмъ, чтобы въ этомъ музеѣ сосредоточены были вещественныя памятники, письменныя документы, художественныя изображенія, печатныя произведенія и др. предметы, неумолкаемо свидѣтельствующіе о безсмертныхъ трудахъ и дѣлахъ покойнаго графа, чтобы изслѣдователи эпохи Муравьева легко и безъ затрудненій находили въ музеѣ матеріалы, касающіеся ихъ специальности, а посѣтители музея, знакомясь съ великими подвигами Муравьева, выносили бы отсюда высокое патріотическое чувство, лучшія впечатлѣнія и вѣрныя указанія того, какъ надобно вѣрой и правдой служить своему Государю и отечеству, какъ необходимо изучать мѣстную исторію для вѣрнаго пониманія и правильнаго направленія своей дѣятельности.

Вызванный въ жизни музей гр. М. Н. Муравьева получилъ Высочайшее соизволеніе и одобреніе, встрѣченъ былъ теплымъ сочувствіемъ русскаго общества и былъ предметомъ особеннаго вниманія, заботливости, помощи и сочувствія его высокопревосходительства г. главнаго начальника края; со времени своего возникновенія и доселѣ музей получилъ отъ его высокопревосходительства лично или чрезъ его посредство много цѣнныхъ предметовъ и важныхъ историческихъ документовъ. Вильна, Петербургъ, Москва и много др. городовъ и мѣстностей Россіи, особенно же Западной полосы Россіи,—лица близкія къ графу Муравьеву какъ по родству, такъ и по духу своихъ убѣжденій и стремленій, жертвуя средствами и личными трудами,—живо отзывались на общепольное дѣло и принесли въ даръ музею имѣвшіеся у нихъ предметы и матеріалы, изображающіе высокоблаготворную дѣятельность гр. М. Н. Муравьева. Несомнѣнно, что разъ начатое доброе дѣло, съ Божіею помощію, не остановится въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи, и музей гр. М. Н. Муравьева достигнетъ полнаго своего развитія во благо западно-русскаго края.

Насъ отдѣляютъ уже десятии лѣтъ отъ времени, когда жилъ и дѣйствовалъ у насъ гр. М. Н. Муравьевъ, и однако-же и теперь, когда мы входимъ въ музей его,—мы испытываемъ нѣкоторое чувство

какъ бы личнаго его здѣсь присутствія: вотъ его рабочій столъ съ принадлежностями—наличный свидѣтель его трудовъ, не знавшихъ отдыха, его думъ и бесѣдъ о благѣ Россіи и западно-русскаго народа; вотъ сотрудники его, раздѣлявшіе съ ними бремя беззавѣтнаго служенія своему Государю, и дѣятели того знаменательнаго времени разныхъ званій и чиновъ; можно думать, что память о нѣкоторыхъ изъ нихъ исчезла бы подъ вліяніемъ времени, если-бы не музей гр. Муравьева; вотъ рисунки и чертежи православныхъ храмовъ Божіихъ, воздвигнутыхъ и возобновленныхъ гр. Муравьевымъ, какъ постоянныхъ свидѣтелей плодовъ его дѣятельности, его генія и ревности о благѣ св. православной церкви; здѣсь-же имѣются изображенія и др. весьма важныхъ моментовъ жизни графа, въ бытность его на службѣ въ Вильнѣ: здѣсь-же хранятся личныя его бумаги, важныя для исторіи края документы, имъ скрѣпленные и восходившіе на Высочайшее благовозврѣніе и одобреніе, и разныя др. дѣла, касающіеся умиротворенія и благоустройства края, принесенныя въ даръ музею лицами, сочувствующими идеѣ музея; здѣсь-же имѣются вещественныя выраженія живѣйшихъ чувствъ благоговѣнія и благодарности гр. М. Н. Муравьеву отъ разныхъ сословій, принесенныхъ ему при оставленіи имъ Вильны 17 апрѣля 1865 г., и мн. другое.

Да, 17 апрѣля гр. М. Н. Муравьевъ, угонимый непрерывно работой и удрученный разстроеннымъ здоровьемъ, оставляетъ Вильну, а спустя нѣкоторое время оставляетъ и это земное поприще. Но совершенному имъ дѣлу не суждено умереть, такъ какъ такіе подвиги не умираютъ. И вотъ сегодня, въ памятное въ жизни гр. Муравьева 17 апрѣля, открывается у насъ весьма полезное учрежденіе—музей гр. М. Н. Муравьева.

Принесемъ-же, братіе—соотечественники, молитву ко Господу-Подателю всякаго блага, да сохранить Онъ это учрежденіе на всегда цѣлымъ и невредимымъ, да пошлетъ Онъ силы и помощь свыше къ исполненію этого учрежденія новыми пріобрѣтеніями, содѣйствующими его расширенію и процвѣтанію! Пожелаемъ, да сохраняетъ это учрежденіе свое благодатное воспитательное назначеніе для современныхъ и будущихъ поколѣній, и да найдутъ въ немъ ищущіе свѣта, истины и исторической правды полное удовлетвореніе!

Каедральный протоіерей *Іоаннъ Котовичъ*.

Освященіе и открытіе музея гр. М. Н. Муравьева въ Вильнѣ.

17 апрѣля сего года осуществилось давно желанное, весьма торжественное открытіе Муравьевскаго

музея, въ зданіи публичной бібліотеки. Съ благословенія Его Высокопреосвященства, каедральный протоіерей Іоаннъ Котовичъ, въ сослуженіи протоіерея каедр. собора Н. Догадова, протоіерея дворцовой церкви К. Петрова, священ. каедр. собора М. Плисса и священ. Пречистенскаго собора Л. Смокуновича, протодіакона Н. Попова и о. В. Круковского, при хорѣ дворцовыхъ пѣвчихъ, совершилъ водосвятный молебенъ, предъ началомъ котораго сказала рѣчь о значеніи настоящаго торжества. Послѣ окропленія музея св. водою были возглаголены обычныя многолѣтія съ добавленіемъ многолѣтія всѣмъ потрудившимся въ устройствѣ музея, и возглаголеніемъ вѣчной памяти незабвенному гр. Михаилу Николаевичу Муравьеву. По окончаніи цѣлованія св. креста присутствующими, произошло торжественное засѣданіе, на которомъ предсѣдатель комиссіи по устройству музея д. с. с. Вѣлецкій прочелъ отчетъ о томъ, что сдѣлано для устройства музея съ 9 іюня 1898 г., когда воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе, по настоящій моментъ; рѣчь А. В. Вѣлецкаго обстоятельно познакомила присутствующихъ съ состояніемъ музея и надеждами на его лучшее будущее и была принята съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Послѣ этого генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Троцкій объявилъ музей открытымъ. Всѣ лица, бывшіе на открытіи музея 17 апрѣля, подписались въ книгѣ, установленной для почетныхъ посѣтителей музея.

На торжествѣ открытія присутствовали генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Троцкій, помощникъ командующаго войсками генералъ-отъ-инфантеріи Перликъ, попечитель учебнаго округа т. с. Поповъ, губернаторъ свѣтлѣйшій князь Грузинскій, командиръ 3-го корпуса генералъ-лейтенантъ Чайковский, командиръ 1-го Туркестанскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Топорнинъ, начальникъ штаба округа генералъ-лейтенантъ Поволоцкій, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Скугаревскій, начальникъ 2 округа корпуса Пограничной стражи генералъ-лейтенантъ Марголи, губернской предводитель дворянства графъ Плятеръ, старшій предсѣдатель судебной палаты т. с. Карновичъ, предсѣдатель департамента судебной палаты т. с. Котляревскій, прокуроръ судебной палаты д. с. с. Постовскій, городской голова генералъ-лейтенантъ Бертольдтъ, окружный интендантъ генералъ-маіоръ Агапѣевъ, генералъ-маіоръ А. В. Оедоровъ, чины канцеляріи генералъ-губернатора во главѣ съ управляющимъ канцеляріей д. с. с. Судейкинскимъ, начальникъ Полѣскихъ желѣзныхъ дорогъ т. с. Фриде, д. с. с. Вѣлецкій съ членами комиссіи по устройству Муравьевскаго музея, комиссія публичной бібліотеки и архива для разбора древнихъ актовъ во главѣ съ Крачковскимъ, окружные инспектора учебнаго округа, директора учебныхъ заведеній

и многіе другіе военныя и гражданскіе представители, а также воспитанники средних учебных заведеній и воспитанница Маріинскаго высшаго женскаго училища.

Въ заключеніе всего предсѣдатель комисіи по устройству музея д. с. с. Вѣлецкій желающимъ давалъ объясненія предметовъ, собранныхъ въ Муравьевскомъ музеѣ.

Русскій языкъ въ юридической письменности Литвы.

Въ №№ 8939, 8956, 8957, 8960 и 8962 „Новаго Времени“ возникла полемика о вѣренномъ мнѣ виленскомъ центральномъ архивѣ древнихъ актовъ книгъ со ссылкой на мое имя, какъ архиваріуса этого древнехранилища. Чувствую себя нравственно обязаннымъ и радуюсь настоящему случаю, что могу дать свое разьясненіе и высказать свое заключеніе по предмету возникшей полемики. Присовокуплю при семъ, что въ спорномъ вопросѣ я буду говорить съ полною искренностью и откровенностью, не стѣняясь ни той, ни другой стороною, имѣя предъ собою одну высокую цѣль, какъ во всей своей скромной служебной дѣятельности, такъ и нынѣ послужить одной чистой святой истинѣ...

Тридцать четыре года я служу въ виленскомъ центральномъ архивѣ и изъ нихъ 21 годъ состою его архиваріусомъ, ближайшимъ отвѣтственнымъ начальникомъ; въ связи съ должностію архиваріуса я столько же времени состою членомъ мѣснаго ученаго учрежденія при семъ архивѣ—виленской археографической комисіи. Поступивъ въ центральный архивъ по особенному влеченію къ древнимъ письменнымъ памятникамъ, я отдалъ этому древнехранилищу всю любовь, всѣ силы и всю свою энергію; въ продолженіе этого 34-лѣтняго періода я прилежно знакомился съ нимъ, изучалъ его, старался проникнуть въ содержаніе, цѣли и направленіе заключающихся въ немъ древнихъ документовъ, стремился уразумѣть и опредѣлить ихъ внутреннее значеніе, цѣну и вѣсъ какъ для цѣлей административныхъ, такъ еще болѣе для цѣлей научныхъ, историческихъ... Плодомъ этого продолжительнаго и внимательнаго изученія вѣреннаго мнѣ древнехранилища, въ которомъ собраны и хранятся юридическіе акты древнихъ судовъ бывшаго Великаго Княжества Литовскаго (изъ огромнаго географическаго района—пяти нынѣшнихъ губерній Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской и Любленской, содержащихъ въ себѣ до 26,000 томовъ, было то, что я пришелъ къ вполне сознательному, въ высшей степени утѣшительному для себя выводу и непоколебимому убѣжденію, что это древне-

хранилище представляетъ настоящее сокровище для нашего государства, что въ немъ для нашего русскаго правительства заключаются всѣми видимые, необоримые, реальные доводы и доказательства, что страна (сѣверо-западная окраина Россіи), въ которой мы нынѣ живемъ, есть истинно русская земля и что русскій человекъ здѣсь есть единственный и законный хозяинъ, не только по праву ея завоеванія русскимъ оружіемъ, но еще по болѣе сильному и естественному праву, по праву историческому и народному. Доводы и доказательства эти представляются мнѣ въ видѣ слѣдующихъ главныхъ, необоримыхъ и непоколебимыхъ положеній или столповъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ: государственный юридическій и вообще официальный языкъ здѣсь былъ русскій; географическія названія мѣстностей страны, а также личныя имена или прозвища (фамиліи) людей, жившихъ въ этой странѣ, съ малою долею природныхъ литовскихъ, всѣ были русскія; и наконецъ господствующая въ первые долгіе вѣка народная церковь была единственная православная русская восточнаго исповѣданія. Можно присовокупить сюда еще одно общее положеніе—отвѣтъ на современный вопросъ о естественномъ, чрезвычайномъ ростѣ дворянства на Литвѣ—путемъ поражающаго количества подлоговъ въ древнихъ актовыхъ книгахъ, т.-е. вставки на мѣсто вырываемыхъ изъ нихъ подлинныхъ документовъ—документовъ поддѣльныхъ, подложныхъ. Съ этими столпами или главными положеніями завѣдуемаго мною архива я знакомлю нынѣ избранныхъ его посѣтителей, по нимъ же я дѣлаю свои разьясненія группамъ воспитанниковъ, которыхъ при окончаніи ими курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Вильны приводятъ ко мнѣ, по распоряженію высшаго учебнаго начальства.

11-го декабря минушаго года редакторъ „Вилен. Вѣстника“ привелъ ко мнѣ въ центральный архивъ сотрудника и корреспондента высоко стоящей столичной петербургской русской газеты „Новое Время“ Н. А. Энгельгардта и познакомилъ меня съ нимъ. Я былъ очень радъ посѣщенію такого желаннаго для меня, избраннаго и дорогого, русскаго гостя. Я далъ ему подробныя разьясненія о вѣренномъ мнѣ учрежденіи, о времени и цѣли его образованія, о собранныхъ и хранящихся въ немъ древнихъ юридическихъ памятникахъ, объ ихъ содержаніи и значеніи въ настоящее время, и наконецъ я остановилъ его вниманіе на томъ, какимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ это древнее хранилище представляется, по моему глубокому убѣжденію, для русскаго нашего правительства и подробно развилъ предъ нимъ тѣ основныя положенія, о которыхъ упомянуто выше (опущено было только разьясненіе русской народной церкви, о чемъ я теперь сожалею). Для того, чтобы гость мой соб-

ственными глазами и собственнымъ опытомъ могъ провѣрить то, что передавалось ему изъ моихъ устъ, я повелъ его въ самое помѣщеніе архива съ актовыми книгами, гдѣ раскрылъ предъ нимъ цѣлую груду древнихъ фоліантовъ, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Мой желанный петербургскій русскій посѣтитель г. Энгельгардтъ провелъ у меня въ архивѣ болѣе двухъ часовъ времени; сдѣлалъ себѣ помѣтки изъ моихъ словъ и самыхъ актовыхъ книгъ, и оставилъ мой архивъ, видимо весьма довольный и глубоко заинтересованный имъ. Плодомъ этого посѣщенія ввѣреннаго мнѣ центрального архива г. Энгельгардтомъ была прекрасная статья объ немъ, помѣщенная въ № 8931 „Нов. Времени“. Меня очень обрадовало появленіе этой статьи потому, что въ ней во-первыхъ совершенно вѣрно и правдиво описанъ этотъ архивъ, вѣрно переданы мои слова и все видѣнное имъ, и во-вторыхъ этою статьею въ живыхъ чертахъ ознакомлено съ нимъ русское общество и вся читающая газету публика.

Но вотъ въ петербургской польской газетѣ Краж появилось возраженіе противъ основного пункта въ статьѣ г. Энгельгардта, что государственный юридическій языкъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, или сокращенно на Литвѣ, не былъ „языкъ русскій“, а „языкъ бѣлорусскій“. Я былъ изумленъ этимъ возраженіемъ! Вѣдь имъ оспаривается прямая, очевидная, ясная, какъ солнце, истина, что этимъ языкомъ былъ только одинъ—русскій, русскій и русскій языкъ!.. Объ этомъ свидѣлствуетъ законодательная книга Литвы „Литовскій Статутъ“; объ этомъ тысячи разъ говорятъ, заявляютъ, громко утверждаютъ всѣ неисчислимые древніе другіе юридическіе акты, писанные на русскомъ языкѣ, русскими литерами или кириллицею... Откуда же вдругъ взялся въ этихъ актахъ бѣлорусскій языкъ, когда въ нихъ нѣтъ ни единого акта, писаннаго на этомъ языкѣ и нигдѣ ни единымъ словомъ объ немъ, какъ таковомъ, не упоминается?.. На эту ничѣмъ необъяснимую выходку польской газеты Краж далъ достойный отвѣтъ г. Энгельгардтъ въ № 8939 „Нов. Времени“.

Но на этомъ возраженіи и отвѣтѣ дѣло не остановилось! Паборникомъ мнѣнія газеты „Краж“ въ № 8956 выступилъ господинъ, подписавшійся С. П., который выводитъ уже на сцену ученныя соображенія въ пользу этого возраженія, дѣлаетъ ссылку на цѣлую плеяду ученыхъ свидѣтелей и указываетъ на промахи и невѣрности въ статьѣ г. Энгельгардта, помѣщенной въ № 8939. И на эту оборонительную статью г. Энгельгардтъ въ № 8957 далъ прекрасный, правдивый, серьезный отвѣтъ, именно, что переданное имъ о Виленскомъ центральномъ архивѣ (въ № 8931) не есть плодъ только того, что онъ своими глазами видѣлъ въ этомъ архивѣ, при своемъ посѣщеніи его,

что лично передумалъ и взвѣсилъ, но что свѣдѣнія эти и объясненія онъ получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ лично отъ меня, слышалъ изъ моихъ устъ, какъ лица знающаго этимъ архивомъ и ближе всего съ нимъ знакомаго. Къ этому отвѣту г. Энгельгардта присовокуплю и я съ своей стороны слѣдующій дополнительный отвѣтъ: 1) Конечно, русскій юридическій языкъ въ древнихъ судебныхъ актахъ Литвы всякъ воленъ понимать и истолковывать по своему, но называть и истолковывать его иначе, какъ онъ названъ и понимается въ самыхъ древнихъ юридическихъ актахъ, начиная съ законодательной книги Литовскаго Статута, никто не имѣетъ ни малѣйшаго права и основанія, включая сюда и всю плеяду перечисленныхъ г. С. П. ученыхъ свидѣтелей, такъ какъ это было бы нарушеніемъ прямой очевидной истины. 2) Г. Энгельгардтъ впалъ въ маленькую ошибку, назвавъ видѣнный имъ въ Виленской публичной библиотекѣ печатный экземпляръ Литовскаго Статута 1588 г. рукописью, въ чемъ самъ охотно сознается; но въ эту ошибку впадалъ не онъ одинъ!.. Дѣло въ томъ, что статутъ этотъ напечатанъ рукописными литерами, т.-е. точь-въ-точь по тому же очертанію этихъ литеръ, какъ это было принято въ современныхъ русскихъ рукописяхъ и по всему вѣроятію по рукописи самаго Статута. Прибавлю отъ себя еще: г. Энгельгардтомъ допущена еще одна такая же маленькая ошибка, которую можно назвать излишнимъ снисхожденіемъ съ его стороны; онъ говоритъ: „Суды принимали акты на всѣхъ говорахъ—великорусскомъ, бѣлорусскомъ, малорусскомъ и чернорусскомъ; юридическихъ актовъ послѣднихъ трехъ говоровъ не существовало... суды принимали къ записи акты только на одномъ первомъ языкѣ, который у нихъ назывался русскимъ; 3) земскій судъ въ литовскомъ законодательствѣ занималъ основное положеніе и по этой причинѣ къ нему первому и одному обращены знаменательныя слова Литовскаго Статута: „А писаръ земскій маеть по руску, литерами и словы рускими, всѣ листы и позвы писати“; а сказанное о земскомъ судѣ относилось уже и ко всѣмъ другимъ судамъ; такъ поняли это и приложили на практикѣ къ дѣлу всѣ эти другіе суды—городскіе, подкоморскіе, главный литовскій трибуналъ и проч. Такъ впоследствии съ 1697 г. всеобъемлюше были поняты и приложены къ дѣлу и законодательныя слова конституціи: „А Pisarz Ziemskiego sądu po Polsku, a nie po Ruskui, pisać powinien będzie“. Годъ отмѣны русскаго языка въ древнихъ судахъ Литвы въ каталогѣ виленскаго центрального архива г. Горбачевскимъ указанъ 1697; на это указаніе сослался г. Энгельгардтъ, какъ ссылались на него и многіе другіе и лично я самъ; дѣло въ томъ, что въ t. V „Volumea lègum“, въ отдѣлѣ „coalquatio iurium“, гдѣ

говорится объ этой отмѣнѣ, годъ 1697 поставленъ не на каждой страницѣ, какъ надъ другими статьями а на концѣ отдѣла, такъ что его можно отнести и къ предыдущему и къ послѣдующей новой статьѣ. Г. С. П., поставляя это тоже въ ошибку г. Энгельгардту, указываетъ на годъ этой отмѣны 1696, поставленный въ томъ же томѣ „Vol. legnm“ раньше надъ отдѣломъ „Konfederacya Warszawska“. Вопросъ этотъ, по моему мнѣнію, долженъ оставаться еще спорнымъ. И 4) Возраженіе С. П. противъ словъ Энгельгардта: „Русскими словами писаны всѣ акты виленскаго гродскаго суда“, что „это уже совсѣмъ невѣрно“, возбуждаетъ во мнѣ великое удивленіе!.. Предполагается, что С. П. близкій знатокъ Литовскаго Статута; но онъ о „гродскомъ судѣ“ его, очевидно не имѣетъ представленія, и потому отсылаю его къ раздѣлу IV, артикуламъ 33—39 этого Статута, гдѣ подробно говорится о назначеніи и кругѣ дѣятельности этого суда. Отъ себя же поясню, что судъ этотъ названъ „гродскимъ“, т. е. городскимъ, безъ сомнѣнія потому, что ему былъ подчиненъ весь городской районъ въ старину принадлежащій къ городскому королевскому замку и потому судъ этотъ въ первоначальную пору былъ извѣстенъ подъ именемъ „влада справъ замку господарского“ (виленскаго, городскаго и др.). Книги всѣхъ городскихъ судовъ, въ томъ числѣ и 145 „связокъ актовыхъ книгъ виленскаго гродскаго суда“, которыя я показывалъ г. Энгельгардту, подобно актовымъ книгамъ земскихъ судовъ древнѣйшія всѣ писаны на русскомъ языкѣ. Дамъ правильное понятіе и о другомъ городскомъ судѣ, о которомъ собственно и говоритъ г. С. П. Этотъ другой судъ установленъ на основаніи привлеченнаго въ Литву магдебургскаго или саксонскаго права и относится только къ мѣщанскому сословію городовъ, онъ распадается на двѣ вѣтви; „войтовско-ловничій судъ“, для дѣлъ уголовного характера и „бурмистровско-радецкій судъ“ для дѣлъ гражданского состава. Первый обыкновенно называется магдебургіей, а второй—магистратомъ. О языкѣ этого городского суда ни въ литовскомъ статутѣ, ни въ Volumena legum нѣтъ указаній, но надо полагать, что имъ былъ назначенъ языкъ латинскій, такъ какъ и самое магдебургское (или саксонское право было писано на этомъ языкѣ по крайней мѣрѣ первыя актовыя книги виленской магдебургіи за 1431—1668 г., № 5345, и магистрата за 1511—1654 г. № 5109, больше чѣмъ на половину цѣликомъ писаны на латинскомъ языкѣ; а латинскіе сусецнты въ книгахъ того и другого суда господствуютъ отъ начала до самаго конца ихъ, въ центральныхъ архивахъ до 1798 года. Также надо сказать о магдебургскомъ и магистратскомъ судахъ и во всѣхъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ. Но такъ

какъ латинскій языкъ очевидно не могъ привиться къ мѣщанскому сословію городовъ, то суды эти въ скоромъ времени начали принимать въ свои книги записи на польскомъ языкѣ. Но вотъ интересное явленіе. Въ эти, вломившіеся въ литовское законодательство новыя, пришлые, иноземныя мѣщанскіе городскіе суды, не смотря на всю ихъ изолированность и отчужденность отъ первого, по первому началу ихъ существованія, попадали и юридическіе акты, писанныя на русскомъ языкѣ и русскими литерами. Такъ напр. въ № 5345 виленской магдебургіи, на л. 90—92, находится прекрасное русское духовное завѣщаніе 1594 года виленскаго мѣщанина-купца свято-троицкаго братчика Павла Михайлова Шнипки, начинающееся словами: „Во имя Отца и Сына и Светого Духа станьсе ку вѣчной хвалѣ Божой, аминь!“, а въ виленскомъ магистратѣ, № 5109, я насчиталъ 35 русскихъ документовъ, изъ коихъ нѣкоторые приведены цѣликомъ, а большая часть представляетъ формальныя выписи изъ актовыхъ книгъ виленскаго, трокскаго и полоцкаго воеводствъ и главнаго литовскаго трибунала съ русскими сусецентами, нѣкоторые же акты въ этомъ судѣ прямо начинаются съ русскихъ сусецентовъ, т. е. вступительныхъ формулъ судовъ. Приведу здѣсь одинъ изъ таковыхъ сусецентовъ, за древнѣйшій годъ: „Лета Божого Нароженья АХХК (1620 г.), вереду, м-ца октября 3 (7) дня. Поставившися обмяне у книгъ шляхетныхъ пановъ бурмистровъ и радець места виленскаго учтивый панъ Ендрей Павловичъ Мацкевичъ, мещанинъ места виленскаго“ (представилъ къ записи свою облигаціонную записъ на 900 коп. гр. л.).

Въ № 8960 г. С. П. выступаетъ съ новою статьею, направленною противъ отвѣта г. Энгельгардта, приведеннаго въ № 8957. Г. С. П., повидимому разсчитываетъ ослабить силу доводовъ г. Энгельгардта, который открыто заявилъ, что эти доводы взяты имъ цѣликомъ изъ моего личнаго объясненія. Признаю ссылку г. Энгельгардта на мою личность совершенно правильною. Да, все, что онъ написалъ о вѣренномъ мнѣ центральномъ архивѣ, я говорилъ и передавалъ ему, потому что глубоко и непоколебимо въ этомъ убѣжденъ! Но разъясняя ему все сказанное, я не хотѣлъ, чтобы онъ воспринялъ мои слова лишь на вѣру: я попросилъ его послѣдовать въ самое помѣщеніе центрального архива, гдѣ раскрылъ предъ нимъ груды русскихъ актовыхъ книгъ для того, чтобы онъ собственными глазами рассмотрѣлъ и провѣрилъ мои слова. Полагая, что свѣдѣнія г. Энгельгардта, почерпнутыя изъ этого двойного источника, должны только увеличить ихъ цѣну и вѣсъ. Что же касается того заявленія г. С. П., что онъ, будучи хорошо знакомъ со всѣми моими трудами, ничего подобнаго отъ меня не слыхалъ и что

я объ этомъ печатно нигдѣ не высказывался, то замѣчу: 1) что по этому предмету у меня съ нимъ вѣроятно не было никакого собесѣдованія; 2) что я до сей поры не ставилъ себѣ еще темсю—выступить печатно съ пространнѣмъ разсужденіемъ по всемъ этимъ вопросамъ; 3) что однако кое-что сказано мною и въ печати на указываемую тему. Такъ, въ № 219 „Вилленскаго Вѣстника“ за 1880 годъ мною помѣщена статья, подъ заглавіемъ: „Какъ слѣдуетъ правильно писать и произносить на русскомъ языкѣ собственныя имена лицъ и географическія названія, взятая изъ польскаго языка“? Въ этой статьѣ разсматривается именно тотъ самый вопросъ, по которому г. Энгельгардтъ нынѣ пишетъ въ своихъ статьяхъ о географическихъ названіяхъ и личныхъ именахъ въ Литвѣ; здѣсь все мое изслѣдованіе опирается на изученіи юридическаго русскаго языка въ древнихъ судебныхъ памятникахъ бывшаго Литовскаго государства, съ указаніемъ на законы, которымъ этотъ языкъ въ данномъ случаѣ неуклонно слѣдуетъ, въ основаніяхъ своихъ не допуская ни малѣйшей уступки характернымъ особенностямъ польскаго языка въ его смягчающихъ звукахъ, и само-собой разумется—такимъ же особенностямъ собственныхъ, своихъ говоревъ или нарѣчій—бѣлорусскаго и малорусскаго.

Привожу здѣсь въ скобкахъ маленькую табличку „польскаго и русскаго актовъ произношенія“.

Географическія названія:

Гуры	Горы.
Ганіонзъ	Ганязь.
Здитовце	Здитовець.
Зясна	Дисна.
Косценевичи	Костеневичи.
Крживовербжскій	Кривовербскій
Ключъ	Ключь.
Ржеша	Рѣша.
Ржечица	Рѣчица.
Тыкоцинь	Тыкотинь.

Личныя имена:

Богдзевичъ	Богдевичъ.
Вржезинскій	Брезинскій.
Гедройць	Гедройтъ.
Радзивилль	Радивиль.
Вржостовскій	Вростовскій.
Пржесмыцкій	Пресмыцкій
Свенторжецкій	Свенторѣцкій.
Смогоржевскій	Смогоревскій.
Сируць	Сируть.
Юндзиль	Юндиль.

Но вотъ выписка изъ моего предисловія къ XVIII тому копныхъ актовъ на территоріи Великаго Княжества Литовскаго, изданному въ 1891 году вилленскою археографическою комиссіею, о силѣ и дѣйствіи русскаго юридическаго языка на Литвѣ. Здѣсь

на стр. LX—LXI говорится слѣдующее: „Въ заключеніе нашего предисловія мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе, что огромное большинство, ровно двѣ трети копныхъ документовъ (всѣхъ ихъ 448), входящихъ въ составъ нынѣшняго XVIII тома актовъ, писаны на русскомъ языкѣ и лишь одна часть, начиная съ половины XVII вѣка, писана по-польски. Мы знаемъ, что уже со времени второго Литовскаго статута, составленнаго въ 1566 году, и кончая послѣдующимъ третьимъ статутомъ 1588 года русскій языкъ, на коемъ они написаны, формально былъ провозглашенъ въ Литовскомъ государствѣ языкомъ официальной юридической письменности *). Въ третьемъ статутѣ въ раздѣлѣ IV, артикулѣ 1-мъ, по поводу выбора въ повѣтахъ должностныхъ лицъ—земскаго судьи, подеудка и писаря специально объ обязанности писаря говорится: „А писарь маєть по руску, литерами и словы рускими вси листы, выписи и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы“,—и далѣе тамъ же, въ артикулѣ 37-мъ поясняется, что воеводы и судовыя старосты опредѣляютъ каждый къ себѣ намѣстника или подстаростого, гротескаго судью и писаря, людей честныхъ, благонаправныхъ, достойныхъ, знакомыхъ съ законами и русскою грамотою („вправѣ и писема руского умеегныхъ“). И мы видимъ на практикѣ, что по всему обширному пространству литовскаго государства этотъ законъ довольно строго соблюдался, особенно до начала XVII вѣка, до времени, когда началось усиленное преслѣдованіе русско-народности и православной вѣры со стороны полонизма и латинства. Съ этой же поры, т. е. именно съ начала XVII вѣка, вторженіе польскаго языка въ юридическую письменность литовскаго государства идетъ быстро впередъ; юридическія сдѣлки между частными лицами, даже официальныя бумаги, наприм. донесенія, весьма часто составляются уже на польскомъ языкѣ и заносятся въ актовыя книги судебныхъ все чаще и чаще, даже безъ соблюденія русскаго суспенза. Но какъ туго и трудно было привыкать русскимъ людямъ къ польскому языку, лучше всего свидѣтельствуютъ копные документы настоящаго XVIII тома, писанные на этомъ языкѣ. Польскій языкъ въ этихъ документахъ, по своему построению, даже по самому правописанію своему, отличается видимою неумѣлостью и нестройностью. Это въ особенности можно сказать о документахъ, взятыхъ изъ книгъ Слуцкаго княжества, гдѣ русскій языкъ съ величайшимъ тру-

*) Въ первомъ Литовскомъ статутѣ 1529 г., также писаномъ на русскомъ языкѣ, этого постановленія мы не находимъ конечно по той причинѣ, что въ данную пору дѣйствіе русскаго языка было такъ сильно и всеобъемлюще, что въ этомъ постановленіи не чувствовалось надобности.

Авторъ Предисловія

домъ, напр. въ устахъ вознаго, въ его реляціяхъ, уступилъ свое мѣсто языку польскому“...

4) Въ 1888 г. въ Вильнѣ мною изданъ „Географическій Словарь древней Жомонтской земли XVI, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россійскаго земскаго суда (1575—1599 гг.)“. Въ предисловіи моемъ къ этому „Словарю“, на стр. XV, къ п. 5 сказано, „Въ „Словарѣ“ моемъ найдется нѣсколько сотъ чисто русскихъ географическихъ названій, мѣстонахожденіе которыхъ показано въ чисто литовскихъ мѣстностяхъ, начиная съ самаго сердца Литовскаго поселенія— „Жомонтской земли“. Очень странно, что эти слова „Словаря“ моего, который относится лишь къ центральному населенію Литвы, понимаемой въ самомъ тѣсномъ спеціальному смыслѣ и потому мною названной Жомонтскою землею, г. С. П. въ своемъ возраженіи г. Ангельгардту относить къ лицу всего обширнаго В. Кн. Литовскаго, ⁹/₁₀ частей котораго было занято чисто русскимъ населеніемъ!..

и 5) слова г. Ангельгардта относительно нарушенія печати Высочайше учрежденной 1833 г. комиссіи на огромномъ количествѣ актовыхъ книгъ виленскаго центральнаго архива совершенно справедливы. Слыша изъ моихъ устъ, съ какою безцеремонностью и безжалостностію фальсификаторы относились даже къ благу своихъ собственныхъ братьевъ-близкихъ, вырывая изъ актовыхъ книгъ подлинныя документы и вставляя на ихъ мѣсто подложныя, г. Ангельгардтъ не могъ сохранить душевнаго спокойствія и употребилъ въ своей статьѣ острое слово „нагло“; дѣйствительно, это само по себѣ—возмутительное дѣйствіе!... Для внесенія въ это дѣло точности, поясню здѣсь, что актывыя книги архива за періодъ дѣйствія на Литвѣ русскаго юридическаго языка, кромѣ рѣдкихъ исключеній, остались свободны отъ этихъ поддѣлокъ; фальсификаторамъ не подѣ силу было совладаніе съ русскимъ юридическимъ языкомъ и кириллицею!... Подлоги начались въ книгахъ съ того времени, когда русскій языкъ, съ 1697 г., изъ нихъ былъ вытиснутъ и замѣненъ польскимъ. Не смотря на собственное признаніе г. Ангельгардта, что печатный экземпляръ Л. Статута имъ былъ ошибочно принятъ за рукописи, г. С. П. все-таки продолжаетъ ставить это ему въ крупную вину. Это, по моему мнѣнію, уже совсѣмъ ребячество!... Въдъ въ данномъ случаѣ дѣло касается только сущности—русскаго языка, а вовсе не того, рукописи ли это или печатный экземпляръ? Заявленіе Ангельгардта относительно употребленія русскаго языка первыми великими князьями литовскими и при ихъ дворахъ совершенно справедливо; вопросъ этотъ до такой степени извѣстенъ русскому читающему міру и такъ положительно и широко обслѣдованъ русскими учеными,

что останавливаться на немъ, съ своей стороны, я считаю совершенно излишнимъ; жаль, что г. С. П., вмѣсто ссылки на этихъ русскихъ ученыхъ, останавливаетъ свое вниманіе только на однихъ полутемныхъ старыхъ латинскихъ источникахъ! Когда возникъ и и какъ старъ „бѣлорусскій языкъ“? Отъ рѣшенія этого вопроса русскій юридическій въ Литовскомъ государствѣ, по моему мнѣнію, ровно ничего не теряетъ въ своей самостоятельности и неприкосновенности. Въ №№ 8962 и 8965 г. Ангельгардтомъ еще помѣщены двѣ прекрасныя статьи все на ту же весьма интересную и поучительную для русскаго общества тему, что въ древнемъ Литовскомъ государствѣ русскій языкъ былъ не только языкомъ юридическимъ въ судахъ и прочихъ официальныхъ учрежденіяхъ, но и всеобщимъ народнымъ языкомъ во всей нераздѣльной и необъятной массѣ русскаго населенія... оплот

Теперь я перехожу къ рѣшенію чрезвычайно важнаго вопроса. Что же такое былъ по существу своему русскій юридическій языкъ въ древнемъ Литовскомъ государствѣ, на которомъ написана первая законодательная книга „Литовскій Статутъ“ и на которомъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, писаны миллионы другихъ юридическихъ актовъ? Это былъ всеобщій, живой, единый русскій языкъ единаго русскаго народа, того народа, который съ отдаленнаго сѣвера и востока, отъ поддѣпровскихъ и поддвинскихъ городовъ, по линіи изъ первопрестольнаго града Кіева, густою и нераздѣльною массою, необъятно широкою полосою, до отдаленныхъ предѣловъ запада, до Червонной Руси (Галичъ и Холмская и Перемышльская земли) и даже далѣе покрылъ все то пространство, которое намъ теперь извѣстно подѣ общимъ именемъ юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній Россіи. Сюда необходимо включить еще древнія области—Волынь и Подолію (Древній Галичъ, вынѣ подѣ австрійскимъ правительствомъ). Въ первоначальную пору этотъ единый чистый русскій языкъ, языкъ „Русской Правды“ Ярослава Мудраго, русскихъ дѣтописей Нестора и другихъ, въ основаніи своемъ одинъ и тотъ же, который мы въ настоящее время называемъ великорусскимъ, по мѣрѣ своего отдаленія отъ колыбели русскаго просвѣщенія, матери русскихъ городовъ Кіева, и направленія къ западу, въ послѣдующее время все болѣе и болѣе сталъ подвергаться мѣстнымъ измѣненіямъ и наслоеніямъ, искусственному наросту, разнымъ прибавкамъ. Это въ особенности стало ощутительнымъ съ той поры, когда, въ силу историческихъ событій, русскій народъ, связанный съ польскимъ народомъ, началъ подпадать его вліянію, принимая изъ его языка значительную долю новыхъ словъ и подчиняться его латино-польской конструкціи рѣчи. Въ эту переменную пору изъ этого единаго всеобщаго чистаго русскаго языка стали

выдѣляться два особенно отличныхъ нарѣчія или говора—малорусскій и бѣлорусскій. Дѣлаю здѣсь необходимую оговорку: касаясь далѣе болѣе близко одного изъ этихъ говоровъ, именно бѣлорусскаго, я не буду владаться ни въ какія подробности, сознавая очень хорошо, что подробности эти могутъ завести въ такія дебри, гдѣ и въ нашей святой Руси не окажется Руси, гдѣ на мѣсто нашего единого всеобщаго крѣпкаго русскаго языка могутъ образоваться одни прискорбные осколки; гдѣ самое свѣтлое солнышко легко довести до мутнаго пятна и доказать, что свѣтъ его для нашего глаза обманчивый и сомнительный... Я смотрю и буду смотрѣть на окружающія меня вещи и на настоящій предметъ совершенно прямо и просто, и съ составленнаго мною въ данномъ отношеніи убѣжденія не сдвинетъ меня никакая тонко и заманчиво сплетенная комбинація языковѣдствія?... Но возвращаюсь къ малорусскому и бѣлорусскому говорамъ. Въ оба эти говора послѣдовательно вошла масса новыхъ или видоизмѣненныхъ русскихъ словъ, а также не мало ихъ было воспринято изъ польскаго языка; но главное—въ нихъ совершилось такое измѣненіе въ произношеніи и звукосочетаніи, что въ ближайшее къ намъ время нѣкоторымъ изъ ученыхъ и изслѣдователей языковъ стало казаться, не слѣдуетъ ли эти говоры назвать самостоятельными русскими языками или нельзя ли ихъ впустить даже въ состязаніе съ старымъ и новымъ, общимъ русскимъ языкомъ? Изъ этихъ говоровъ послѣдній—бѣлорусскій думаетъ даже занять нынѣ мѣсто и сѣсть на сѣдалище общаго русскаго языка—именно въ юридической письменности древняго Литовскаго государства. Нелѣпость такого положенія и стремленія должна вызвать лишь удивленіе не только въ умахъ настоящихъ русскихъ ученыхъ и специалистовъ, но даже въ послѣднихъ простакахъ!.. Если за этими двумя говорами признать самостоятельное существованіе, то не будетъ понятно, почему этого права должны будутъ лишиться и всѣ прочіе говоры единого общаго русскаго языка, какъ напр. новгородскій, тверской, псковскій, смоленскій, владимірскій и т. д.? Петербургской польской газетѣ „Крај“ и господину С. П., которые ратуютъ за самостоятельное существованіе бѣлорусскаго говора, который они называютъ языкомъ, и смѣло сажаютъ его на почетное сѣдалище юридическаго русскаго языка въ древней официальной письменности Литвы, теперь слѣдуетъ предложить живой вопросъ: какимъ образомъ бѣлорусскій народъ, занимающій небольшой оазисъ широкой русской земли—нынѣшнія двѣ губерніи—Могилевскую и Витебскую, о которомъ изъ глубокой старины извѣстно только то, что онъ ходилъ, какъ и теперь

еще ходить, въ бѣлыхъ простыхъ свиткахъ, отчего и получилъ самое свое названіе „бѣлорусскій“, которому по неотъемлемому праву принадлежитъ дорогое наслѣдіе—милая, невинная, богатая народная поэзія—въ его пѣсняхъ, сказкахъ, легендахъ и проч., но за которымъ неизвѣстно никакого высшаго умственного движенія, который былъ чуждъ жидущей литературной дѣятельности отъ духовныхъ плодовъ ума котораго, происшедшихъ отъ просвѣщенія, мы не имѣемъ никакихъ памятниковъ; повторительно спрашиваю: какимъ чудомъ этотъ простой, первобытный, стоявшій внѣ высшаго умственного движенія и занимавшій маленькій оазисъ земли, бѣлорусскій народъ могъ дать и сдѣлать свой языкъ общимъ юридическимъ всего русскаго народа, занимавшаго въ Литовскомъ государствѣ огромную географическую площадь—на востокъ, югъ, сѣверъ и западъ, даже за предѣлами нынѣшней Россіи? Какимъ образомъ этотъ бѣлорусскій говоръ или языкъ, въ формѣ юридическаго языка, могъ сохранить такое поразительное сходство и единеніе во всѣхъ ближайшихъ и самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, въ самыхъ ничтожныхъ точкахъ, этого огромнаго географическаго протяженія? Откуда простаки—бѣлоруссы могли взять и внести въ общій юридическій русскій языкъ такое культурное развитіе и обработку, которую мы видимъ въ этомъ языкѣ? Дальнѣйшимъ вопросомъ по этому предмету не предвидится конца... Но отвѣтъ на нихъ всѣхъ будетъ всегда одинъ—отрицательный, т. е. ничего не дающій и ничего не разъясняющій...

Архиваріусъ—начальникъ виленаго центрального архива древнихъ актовъ книгъ *И. Я. Спринсъ*:
(Окончаніе будетъ).

— Въ среду, 18-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита петербургскаго Антонія состоялось открытіе засѣданій особой комиссіи изъ представителей вѣдомства св. синода министерства финансовъ и государственнаго контроля для обсужденія новаго проекта усиленія пенсіонныхъ окладовъ для священно- и церковно-служителей вѣдомства православнаго исповѣданія.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей
Іоаннъ Котовицъ.